

Ильгам — это значит

Вдохновение

Выдающемуся певцу Ильгаму Шакирову – 80 лет

Беседа народного поэта Татарстана **Разиля Валеева** с народным артистом ТАССР и РСФСР, лауреатом Государственной премии РТ им. Г. Тукая, выдающимся певцом **Ильгамом Шакировым**

Разиль Валеев. Первая моя встреча с вами, Ильгам-абый, и поныне перед глазами. Тогда я учился в Москве, в Литературном институте. Вы нашли меня в общежитии и «заставили» в течение двух часов написать песню «Дулкын» («Волна»), точнее сказать, слова к мелодии. Потом, по вашей просьбе, явились на свет «Таң жыры» («Утренняя песня») и «Бер алманы бишкә бүләк» («Разделим яблоко на пятерых»). Таким образом, втянули вы меня в мир песни...

Ильгам Шакиров ведь он никогда не был лишь певцом. Ильгам-абый отыскивал старинные песни, обрабатывал их, интерпретировал, поднимал на сцену, доносил до народа, понуждал композиторов, поэтов творить новые произведения, пропагандировал музыкальное искусство. А ведь сегодня большинство певцов, особенно молодых, лишь исполнители готовых песен. Мо-

жет, так и надо? Каждый своим делом должен заниматься: композитор сочинять мелодии, поэт творить стихи, фольклорист искать и находить старинные сочинения, а знатоки должны их пропагандировать?

Ильгам Шакиров. Всякие исполнители песен бывают. Вместе с тем, если певец в первую очередь не будет знать, что ему надо, и это «надо» не будет искать и находить, он никогда не будет настоящим певцом. Песню «Одно яблоко поделим на пятерых» фольклористы включили в нотный сборник. Мелодия мне очень понравилась. Я даже по-своему её обработал. Но слова-то вот не укладывались в душе и обработке не поддавались. Поэтому в поиске поэта до тебя дошёл, попросил написать новые слова. Почему обратился к двадцатилетнему поэту? Видимо, поверил... Эту песню вскоре народ принял как свою. А иначе осталась бы безмолвствовать в книгах в статусе забытой мелодии. Если певец вот так вот не отыщет нужную его душе песню, которая затронула бы душевные струны и многих других людей, больших успехов, конечно, не достигнет. Возьмём композитора Александра Ключарёва... Он не только композитор-сочинитель, но и выдающаяся личность, разыскивавший по всему Советскому Союзу музыкальную «руду», обрабатывавший её и выпускавший в свет. Вот и этот замечательный мотив я взял из сборника Ключарёва... А вот композитор Джаудат Файзи, в основном, с профессиональными певцами работал и выпускал книги народных песен, входивших в их репертуары.

Р. В. Он, кажется, не выезжал в сёла?

И. Ш. Ему хватало песенного достояния Казани. А вот Александр Ключарёв ходил в лаптях и обмотках из деревни в деревню, из дома в дом и собирал песни.

Р. В. Ильгам-абый, в последние годы мы немало говорим о будущем татарского народа и его прошлом. Действительно, народ, более 450 лет живший без своей государственности, сохранил здоровый дух, нравственность, не потерял родной язык. В одном своем выступлении вы сказали: «Татарский народ спасли ислам и песня»...

И. Ш. Здесь я хотел бы напомнить стихотворение Тукая. Называется оно «Сэрләүхәсез» («Безымянный»). Только одну строфу приведу:

Хочешь тронуть души народные,
Чтобы зазвучали сердца струны,
Затяни печальную мелодию,
Не нужны тут шутки и глупый смех.

Это значит, если хочешь разбудить духовный мир народа, чтобы он жил и чувствовал себя самостоятельной нацией, надо знать мелодию его души, затаённую печаль. Именно это сохраняет и спасает от гибели. Тукай сказал, что не нужно веселья. Но и веселье всё-таки необходимо, однако оно не должно быть бессмысленным. Каждое слово – на сцене ли, с экрана телевизора ли – должно иметь своё значение, своё содержание и суть, а также обладать своим национальным характером. Почему я упомянул ислам? Потому что в религии нашего народа и мелодия есть, и песенность. Недаром Коран читают нараспев. И мунаджаты, и баиты и т. п. – все они связаны с нашим старинным фольклором, старинными мелодиями. Азан также нараспев, мелодично произносится и на сердце народа задушевно ложится. Именно это объединяет и сохраняет нацию.

Р. В. Ильгам-абый, когда я по бывшему Советскому Союзу разъезжал, то удивлялся одной вещи. Приезжаешь в Узбекистан, тот же татарин, а уже, по-узбекски едят, одежда тоже изменилась. Далее, в Сибири, на Чукотке сырую рыбу едят, про одежду уж и не говорю – шубы, унты... Но всё равно, куда не приедешь, татары свою песню поют.

И. Ш. Человеческая сущность определяется не внешним видом. Если во вну-

треннем мире человека сохранились национальные эмоции и мелодии, значит, он как частица своего народа жив. Пусть одет в чапан с узбекской тюбетейкой на голове, всё равно остаётся он той самой живой частицей.

Р. В. Вчера вечером перелистывал книгу под названием «Ильгам». Она посвящена вашему пятидесятилетнему юбилею. И после вышли в свет несколько увесистых книг-альбомов. Но всё же немало произведений, посвящённых вам, в эти книги не вошли. Аллах даст, ещё издадим. А книга «Ильгам» открывается стихотворением Сибгата Хакима «Мин юл сорыйм» («Дорогу я прошу»).

Народ мой веками на чужбине...
 На чужбине... Это счастье куда-то зовёт?
 На чужбине... На углу стоит милиционер,
 Он тоже наш казанский...
 – Пластинки с татарскими песнями есть?
 С Альфиёй, Ильгамом Шакировым?..

Насколько всё-таки вы с Альфиёй Авзаловой были популярны! Вас любили и любят по все стране. Вы же с гастролями весь Советский Союз объехали...

И. Ш. Хочешь не хочешь, песня должна быть связана с жизнью твоего народа, где бы его представители ни жили. Песня – это открытое излияние народной души. Если певец оторван от народных чаяний, то просто-напросто мы никому не нужны будем. Я всегда понимал это. В своё время, гастролируя по стране, я старался донести народный дух до самых её отдалённых уголков и чувствовал понимание и востребованность. И не только пел, но и говорил, делился своими мыслями.

Р. В. Одним словом, сплывали народ.

И. Ш. Должно быть, и в самом деле так.

Р. В. О своём народе, о своей нации мы всегда с гордостью говорим, однако как нет человека без недостатков, так и народа, видимо, тоже...

И. Ш. Нет, нет, не так. Люди с недостатками, конечно же, есть. Но народа с какими-то недостатками, общими дефектами не бывает.

Р. В. Всё-таки имеются же какие-то свои характерные черты. Один народ горяч и страстен в танце, другой вынослив в беге, у третьего много учёных и шахматистов...

И. Ш. А вот наш, татарский, народ я бы назвал песенным, поющим народом.

Р. В. А что делать с плохой памятью? Возьмём Сайдаша, Назиба Жиганова, Загида Хабибуллина, Валиуллиных возьмём, Мансура Музафарова... Их произведения и сегодня на любой концертной площадке можно с большим успехом исполнять. Но они скончались и позабыты. Не совсем, конечно, позабыты, но на второй план отодвинуты – это точно. С писателями такое же положение. Были Хасан Сарьян, Мирсай Амир, Ибрагим Гази... Где они, в каких современных изданиях?

И. Ш. По этому поводу хотел бы привести слова Белинского. Он так говорил: «Чтобы искусство было интернациональным, оно должно быть глубоко народным и высокопрофессиональным». То есть только вещи, проникнутые подлинным народным духом, способны на широкий успех и международное понимание, на долгую или даже вечную жизнь. Для такого примера я хотел бы назвать творчество Рустема Яхина. Оно пережило автора, переживёт нас и будет долго-долго служить нашему народу и всем любителям музыкального искусства. И таких примеров немало. Да, это и произведения Сайдаша, Жиганова и многих других.

Р. В. Их творения должны войти в золотой фонд татарской музыки. Но насколько полон этот фонд?

И. Ш. Раньше были такие записи под названием «Тон-фильм». Есть слухи, что их, как пожароопасные, сожгли. В них были записи самых первых наших артистов, музыкантов, участвовавших в передачах по радио. Вот они исчезли. Конечно, в

Москве остались такие «Тон-фильмы». Они у них сохранились. Скажем, песни, исполненные в 1920-х Собиновым, Руслановой, Утёсовым, и сейчас целы и сохранены. Вот думаю: у нас эти записи в каком-то безопасном помещении сохранить нельзя было, а вынести куда-то в поле и сжечь – можно. Поэтому порой слышишь: нет ли у нашей уважаемой певицы Гульсум Сулеймановой более стоящих песен? Почему нет, были записи. Но теперь только крохи остались, записанные уже в её зрелом возрасте. А ленты, где голос певицы чист, молод, превратились в пепел. Та же история с Сарой Садыковой, Асийей Измайловой и многими другими.

Р. В. В вашем репертуаре набралась тысяча песен. Сколько из них записано и сколько сохранилось?

И. Ш. Кто знает! У меня была такая идея – выпустить альбом из 100 татарских песен. Начиная с самых старинных. Тогда ведь всем заведовал обком КПСС. Там моё предложение встретили

с одобрением, однако ничего не сделали, так и осталось всё на словах. Когда-то я поинтересовался и мне ответили: мол, в фонде радио и телевидения моих записей часов на восемь имеется. А незаписанных вещей ещё больше, конечно. Они по ветру развеялись. И чем старше становишься, тем больше они стираются из памяти.

Р. В. Вот вы певец с консерваторским образованием. И Хайдар Бигичев оканчивал консерваторию. Также с высшим музыкальным образованием Зиля Сунгатуллина, Венера Ганиева, Филюс Кахиров... Однако есть известные певцы, не получившие специального образования, но приобретшие в народе популярность. Они говорят: нам не нужна консерватория, народ нас и так любит.

И. Ш. Это неправильно. Певец должен пройти музыкальную школу. Надо постоянно самообразовываться, повышать своё профессиональное мастерство, пополнять интеллектуальный багаж. Нельзя называть себя настоящим певцом, лишь рот раскрыв и песенку спев. Таким исполнителям не дано стать личностями. Они все на одно лицо. Парадокс, но среди них в общем хоре на цыпочки встают, стараясь выделиться, и те, кто окончил консерваторию. Значит, и дипломная корочка не обеспечивает становление подлинно большого певца.

Р. В. О вас же анекдот ходил. Якобы один председатель колхоза встретил вас и спрашивал: «Ну, Ильгам, на какую-нибудь работу устроился? Или всё песни поёшь?»

И. Ш. Анекдот – это хороший показатель для того, о ком он. Про меня их немало было. И правда – песни петь за работу кое-кто не считал. Потому что у нас, мол, все вокруг поют.

Р. В. Ильгам-абый, вы счастливый человек?

И. Ш. Это, брат Разиль, с какой стороны посмотреть. С малых лет, как себя помню, росли мы людьми судьбой сильно битые. В нашей семье я был последышем, то есть из детей, родившихся последним. Когда мне было два года, забрали

*Рукопожатие.
Ильгам Шакиров и Разиль Валеев*

отца. Я этого, конечно, не помню. Но хорошо знаю. Оттуда и начинаются мои несчастья. Чёрная метка долгие годы оставалась на нашей семье. Было очень тяжело. С клеймом-то сына врага народа. А тут – представляешь себе – война, голодные послевоенные годы... Что тут рассказывать! Хотя нынешняя молодёжь представления об этом по существу не имеет. А потом судьба повернулась ко мне другой стороной, я запел...

Р. В. Никогда не думали о своих мемуарах?

И. Ш. Была мысль. Потом подумал, подумал и сказал себе: кому нужна моя жизнь!

Р. В. Очень жаль! Помнится, известный наш историк Равиль Фахрутдинов в своё время выпустил о вас книгу под названием «Певец». Она написана знающим вас человеком. Получилось прекрасное документальное повествование о большом певце и выдающейся личности. Эту книгу сейчас ни в библиотеках, ни в магазинах не найти. У вас она есть?

И. Ш. Нет, у меня её тоже нет.

Р. В. Ильгам-абый, я хотел бы преподнести вам небольшой подарок. Ещё во время учёбы в Москве мечтал написать песню «Ильгам». Припев её, помните, читал вам. И вот стихотворение окончательно дописано. На него Луиза Батыр-Булгари сочинила мелодию. Но оно, на мой взгляд, имеет право и на самостоятельное существование. Сегодня хочу прочитать его вам.

Ильгам

Родина в печали – Ильгам поёт,
Родина в радости – Ильгам смеётся.
Сердца наши волнуя,
По эпохам плывёт напев.
Эх, друзья, родные мои,
Как от печали вас избавить?!
Забудьте ваши все недуги –
За вас сегодня я плачу,
За вас сегодня я пою.
С рожденья ждём мы счастья.
Но лик подёрнула жёлтая грусть.
Не прошу, Всевышний, солнечного дня,
Только дай сегодня вдохновения.
Вдохновенное слово – только на родной земле,
Душевная мелодия – лишь на родном языке.
И радость, и печаль моя,
И счастье – всё на родной стороне.
Эх, друзья, родные мои,
Как от печали вас избавить?!
Забудьте ваши все недуги –
За вас сегодня я плачу,
За вас сегодня я пою.

Подстрочный перевод

